

Г-3379.

1906

№2

АДСКАЯ ПОЧТА

ЦѢНА

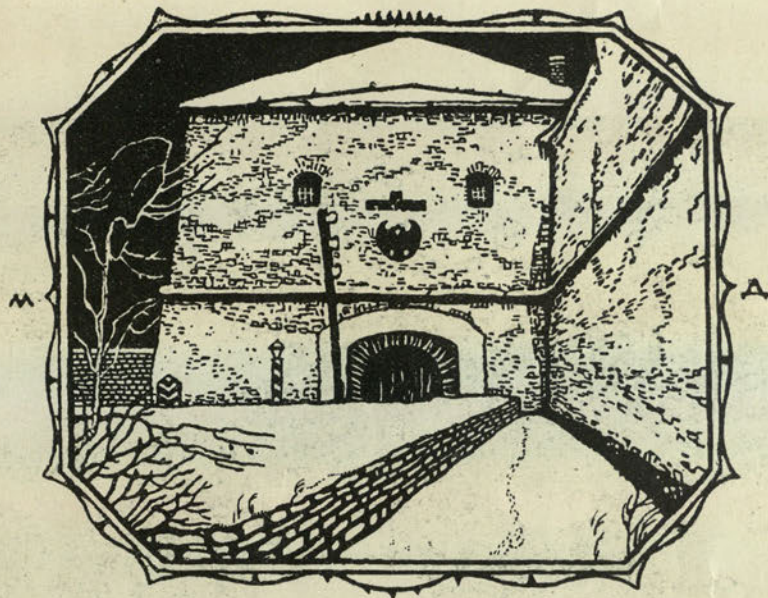
15К

Д. Н. Кардовскій.

...«Нижній чинъ долженъ ходить съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства, какъ имѣющій счастье состоять на царской службѣ, какъ носитель доблестнаго мундира, который запятнать и замарать грѣшно: шапка набекрень, молодцомъ, красавцемъ, щеголемъ, женихомъ, картинкой, дабы встрѣченныя военные любовались, а обыватели проникались почтеніемъ и уваженіемъ».

Изъ приказа по 1-ой гвардейской пѣхотной дивизіи.

»крѣпость«

Подъ воротами двуглазой облупленной башни съ золотымъ кованымъ ключемъ на стальномъ шпицѣ толкалась кучка сухопарыхъ бабъ съ поджатыми злощими губами.

Забрались бабы въ крѣпость спозаранку, выстояли обѣдню въ крѣпостной церкви, истово приложились къ иконамъ и отправились ходить по тюрьмамъ, будто по пещерамъ Лавры съ угодниками и мощами. Разъ десять побывали онѣ и въ каменной старой тюрьмѣ и въ новой кирпичной, разъ десять заглянули въ каждую камеру, все перетрогали, про все разспросили. Пора бы бабамъ домой уходить, обѣдать пора, а бабы не уходили, наступали на жандарма,—давеча жандармъ водилъ ихъ по тюрьмамъ, терпѣливо показывалъ всякую мелочь.

— И не пойдемъ—хорохорилась самая старая, — ты намъ главнаго не показалъ.

— Ей Богу, все показалъ!—божился жандармъ.

— Все, да не все, а еще божится! ты темную показалъ? висѣлицу показалъ? мельницу ты показалъ—а?!

— Какую еще мельницу!

— Такую, нечего дурака-то валять, извѣстно, мельница,—людей молоди.

Жандармъ обидѣлся:

— Грѣхъ тебѣ, тетка, болтать зря.

— Грѣхъ въ орѣхъ, а зерно въ ротъ, не тебѣ меня учить, толстомордый.

— Ну, проваливай, проваливай!—вступился часовой.

— Какъ бы не такъ, ты напередъ покажи, а потомъ и лайся, клыкъ.

Жандармъ на минуту вспыхнулъ, потомъ вдругъ ощерился.

— Покажи да покажи,—сказалъ онъ, постукивая сапогъ о сапогъ,—да что я тебѣ въ самомъ дѣлѣ покажу, хрѣнъ, что ли, съ масломъ?

— Тьфу, окаинный!—заплевались бабы.

— Хе, хе, хе,—подхватили другіе жандармы, околачивались жандармы безъ дѣла у часовой будки, было воскресенье.

Ничего не сказали бабы, поплевали молча на жандарма, поплевали трижды таинственно, какъ на что то нечистое, отъ чего отплеваться надо, чтобы не пристало ни къ слѣду, ни къ глазу и молча, еще злѣе пожимая сухія губы, пошли себѣ къ берегу.

Темныя, закутанныя въ теплыхъ платкахъ, хороня въ узелкахъ взятое на счастье покинутое тюремное добро,—сушеные цвѣточки, обрывки исписанной бумаги, камешки,—уносили онѣ на волю каплю глазъ, каплю мысли, каплю сердца и каплю души заключенныхъ когда то въ этой проклятой крѣпости.

Сгорбленный мужиченка, вынырнувшій откуда то изъ подъ стѣны, принялъ бабъ въ лодку.

Закачалась лодка, покатила.

— Окаинный—окаинный!—ударилъ вѣтеръ подъ воротами двуглазой облупленной башни съ золотымъ кованымъ ключомъ, чемъ на стальномъ шпицѣ.

Бѣжали бабы по черной полыньѣ на ту сторону, грозили костлявыми пальцами, засыпались снѣгомъ.

Не показавъ имъ жандармъ главнаго. Про что онѣ теперь расскажутъ на другой сторонѣ?

Видѣли онѣ ванну, видѣли электрическія лампочки, мастерскую, человѣчскій скелетъ, но главнаго...

— Окаинный—окаинный,—лизали волны крѣпостной валя, выли, взбѣрошенные вѣтромъ и вольными веслами:

По черному бѣлая увѣренно плыла—уплывала лодка.

— Охъ, ужъ эти бабы, пристануть, какъ банный листъ, ни по чемъ не отвяжешься—ворчалъ жандармъ, поколачивая сапогъ о сапогъ.

Шель снѣгъ.

Бѣлый бѣлыми пушинками порошилъ дорожку вокругъ крѣпости, порошилъ золотой кованый ключъ, надворотный двуглавый орелъ, темныя окна—глаза.

И похрустывалъ.

Межъ двухъ отдаленныхъ глухихъ башенъ, обращенныхъ къ озеру, отъ Королевской до Часовой и отъ Часовой до Королевской шагаль, какъ на часахъ, запорошенный человѣкъ.

И похрустывалъ.

Съ утра весь день онъ ходилъ по тюрьмамъ въ хвостѣ бабъ и, какъ бабы, все трогалъ и спрашивалъ и, какъ бабы, заглядывалъ въ каждую пустую камеру.

А теперь тутъ одинъ подъ стѣной, не одинъ—надъ нимъ бѣлое небо и вѣтеръ и снѣгъ.

Волосы подымались отъ ужаса, и всѣ мысли до единой лопались, какъ соломенки, кололи мозгъ, и сердце наливалось кровью, готовое лопнуть.

Каждый мигъ охватывали душу все новые и новые пожары, сжигали все, чѣмъ жила человекъ: его утро, его вечеръ и его ночь.

Пускай вѣтеръ подкоситъ его и ударитъ головой объ стѣну и засыплетъ безслѣдно этимъ бѣлымъ снѣгомъ.

У него нѣтъ больше дома и нѣтъ крова.

И не надо ни дома, ни крова.

Тянулась отъ сердца бѣлоснѣжная дорога безъ конца, безъ надежная, и другой дороги не было.

Вотъ уйдетъ бѣлая студеной зима, повеселѣютъ луга и поля, зацвѣтетъ каждый холмикъ, каждый бугорокъ, и подымется надъ землей огромное солнце, согрѣетъ теплыми лучами, выпрыснетъ дождемъ мертвое и заснувшее.

Мертвое и заснувшее пробудится живымъ подъ солнцемъ.

Не надо этого солнца и этихъ луговъ и этого поля,—каждый цвѣтокъ напоенъ кровью, каждая пядь не дождемъ смочена,—краснымъ дождемъ.

Зачѣмъ солнце, зачѣмъ цвѣты?

Кровь...

Голова кругомъ пошла.

Она подняла всю жизнь. И стелились дни, день за днемъ. Будто не годъ и не два и не двадцать лѣтъ, а вѣчность, какъ стала земля и живъ человекъ,—и эта крѣпость стояла, и схищенные въ ней подъ замкомъ люди жили, и не знали дня,—придетъ ли день?—когда раскроются двери.

Подъ замкомъ люди жили, ихъ запирали въ блестящія ящики, какъ въ гробъ, навсегда.

Но живому сердцу не вмѣстить этого страшнаго навсегда.

Бунтовалось сердце.

И били ихъ, вязали по рукамъ и ногамъ, и кричали и ругались и волокомъ волокли по винтовой желѣзной лѣстницѣ сверху внизъ и по асфальту на дворъ и дальше по двору до воротъ, гдѣ принималъ ихъ каменный застѣнокъ и поглощала сырая черная дыра навсегда.

Но живому сердцу не вмѣстить этого страшнаго навсегда.

Бунтовалось сердце.

И не разъ тѣ, кому приказано было караулъ держать, слѣдили и подслушивали ихъ послѣдній сонъ и видѣли предсмертную часть, наряжали передъ казнью и видѣли, какъ минуту назадъ живой непреклонный и смѣлый висѣлъ подъ бѣлымъ саваномъ высоко надъ землей, и не разъ смотрѣли они въ закатившіеся отъ мукъ глаза, и сколачивали ящикъ-гробъ, рыли яму вонъ тамъ, закапывали вонъ тамъ...

Никогда никто не прочиталъ надъ ними молитвы.

Никогда никто не закрылъ имъ мертвые глаза.

Никогда никто не отдалъ имъ послѣдняго цѣлованія.

На минуту остановился человекъ, каменный вдругъ, какъ стѣна, и твердый, какъ башня. Посинѣло сердце отъ гнѣва и душа возмутилась.

Онъ пойдетъ, онъ отмститъ за эти гроба, за эти висѣлицы, за хулу на жизнь,—жизнь смяли, связали по рукамъ и ногамъ, убивали медленно, подтачивали безпощадно одиночествомъ.

Онъ пойдетъ, онъ отмститъ, онъ найдетъ тѣхъ, кто приказывалъ и повелѣвалъ мучить и истязать въ этой проклятой крѣпости.

За каждый часъ, за каждую минуту, за каждый кратчайшій мигъ страданій,—а они возрастали годъ за годомъ, не годъ и не два и не двадцать лѣтъ, а вѣчность, какъ стала земля и

живъ человекъ,—онъ изобрѣтетъ жесточайшія казни и отдастъ имъ тѣхъ, кто приказывалъ и повелѣвалъ мучить.

И не будетъ конца казнямъ.

Весь бѣлый въ снѣгѣ увѣренно повернулъ человекъ прочь отъ стѣны на другую дорогу.

Шелъ снѣгъ.

Бѣлый бѣлыми пушинками порошилъ дорожку, слѣды человека, обледенѣлый валъ и черную перекладку для рыбацкихъ снастей подъ чернымъ навѣсомъ—этотъ крестъ на безкrestной могилѣ.

Прошлогодня сухая трава и высокіе стебли замерзшихъ цвѣтотъ торчали изъ подъ снѣга, качались подъ вѣтромъ.

Трава и цвѣты на безкrestной могилѣ.

И тоска полыхала по снѣгу, по вѣтру, по травѣ, по цвѣтамъ.

Передъ ней пылала вся земля.

Ты не жди утolenія, ты не найдешь его на этой землѣ.

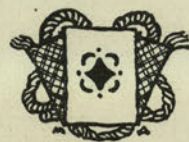
Кровь за кровь, мечь за мечь, безъ конца.

И тоска полыхала по снѣгу, по вѣтру, по травѣ, по цвѣтамъ.

Безысходная подымалась она бѣлымъ пламенемъ въ снѣжномъ столбѣ и тамъ за облаками передъ лицомъ звѣздъ вѣсело со смѣхомъ недосмѣяннымъ, плачемъ недоплаканнымъ, словами не высказанными тосковала...

Царь небесный, Утѣшитель,

Духъ истинный, пріиди!

Было тихо и жутко въ крѣпости по вечернему.

Отошла вечерня.

Смѣнились часовые у двуглазной облупленной башни, крѣпостныя ворота заперли.

Сумракъ, сгущаясь, куталъ пустынные зданія, и пропалъ тесовый крестъ на фундаментѣ заложеной церкви противъ оконъ кирпичной тюрьмы.

Жандармскія жены укладывали спать ребятишекъ. Ребятишки капризничали.

Звякали шпоры въ казармахъ, и подымалась по лѣстницѣ жандармская шашка, шла пугать ребятишекъ.

Но темъ овладѣла крѣпостью.

Старый вахмистръ, щетиня сѣдыя брови, прошелъ въ дежурную, громыхая ненужными теперь тюремными ключами.

Много нынче было посѣтителей, затормошили: всѣ хотятъ знать, разспрашиваютъ.

Стараго ко сну клонило.

Въ бѣломъ комендатскомъ домѣ засвѣтились огни. Раскладывали зеленые столики. Ставили по двѣ свѣчи.

Старый хозяинъ приглашалъ гостей. Улыбалось его мягкое масляное лицо, и маленькіе глазки черненькіе, какъ жгутики, прыгали отъ любезности.

Начиналась игра.

Узорныя стрѣлки старинныхъ часовъ на крѣпостной колокольнѣ безшумно шагъ за шагомъ подвигались къ ночи.

Вѣтеръ, застрѣвая въ рѣзѣбѣ, вырывался, толкалъ стрѣлки къ полночи и шипѣлъ отъ ярости.

Медлила полночь.

Въ угловой камерѣ каменной старой тюрьмы, темной и глухой, какъ погребъ, сновало что-то, ломалось въ невыносимой тоскѣ. Исполсованная стѣна не заглядывала въ окно, и смотрѣло окно проломленнымъ глазомъ.

Въ углу камеры висѣла иконка Воскресеніе Христова, какъ

висѣла много лѣтъ, когда въ первый разъ привели сюда въ этотъ застѣнокъ и захлопнули дверь навсегда.

Воскресеніе Христова наливалось тьмой, и черное пятно плавало во тьмѣ и тоскѣ невыносимой.

И вдругъ странный ликъ, дробя тьму страннымъ свѣтомъ взглянулъ изъ угла.

И поднялось со всѣхъ угловъ и со всѣхъ стѣнъ все застѣнное, все убитое и пропавшее, чему не было выхода, чего нельзя было выпустить,—поднялось и пошло къ этому свѣту странному.

Но свѣтъ мигалъ дьявольскимъ глазомъ и не принималъ этой тоски нестерпимой.

Думы, которыя замерли подъ черепомъ, желанія, сожженные въ сердцахъ... онѣ припадали къ камню, къ непреклонной стѣнѣ, неутоленные, неутолимые до послѣдняго дня.

Дьяволъ воскресалъ среди тьмы и скорби и отчаянія, воскресалъ на вѣки, какъ царь, въ этомъ царствѣ муки и неутоленности.

Въ пустынныхъ зданіяхъ крѣпости мелькали огоньки.

Часовой на часахъ у двуглазной облущенной башни съ

золотымъ кованнымъ ключемъ на стальномъ шпидѣ кутался въ тулупъ, творилъ молитву отъ навожденія.

А по крѣпостному двору отъ церкви до манежа прохаживался кто-то въ красномъ, какъ палачъ, подпоясанный веревкой, и въ красной шапкѣ, какъ палачъ, покручивалъ плетью.

Визжала плеть, плакала.

Въ бѣломъ комендантскомъ домѣ нагарами свѣчи.

Шла игра.

Старый хозяинъ увѣренно игралъ, обыгрывалъ гостей. Везло, какъ всегда. Вытягивая усастья губы и сопя, будто думая, увѣренно рѣзалъ комендантъ на право и на лѣво.

И вдругъ съ тревогой опускалъ руки въ карманъ и похолодѣвшими пальцами нащупывалъ теплую веревку, снятую съ шеи казеннаго.

Мягкое, маслянное лицо улыбалось, и маленькіе глазки, черненькіе, какъ жгутики, прыгали отъ любезности.

Ужъ пробилъ полночь. За рѣкой цѣтухи перекликались.

Спала крѣпость мертвецкимъ сномъ.

А въ тюрьмахъ ночь и тоска и неутоленность.

Алексѣй Ремизовъ.

НА НОВЫЙ ЛАДЪ.

- 1-ый хоръ: А земля-то наша вся, наша вся!
Ой Дидь-Ладо, наша вся, наша вся!
- 2-ой хоръ: А земли-то нѣту вамъ, нѣту вамъ!
Ой, Дидь-Ладо, нѣту вамъ, нѣту вамъ!
- 1-ый хоръ: А мы землю выкупимъ, выкупимъ!
Ой, Дидь-Ладо, выкупимъ, выкупимъ!
- 2-ой хоръ: А мы землю продали, продали!
Ой, Дидь-Ладо, продали, продали!

Подпѣвало.

4